

НЕДОТРОГА

из «развратного училища»

Наталье Аринбасаровой было всего 22 года, когда они с Кончаловским расстались. Сидели в загсе, ждали очереди на развод, болтали и смеялись. Со стороны можно было подумать, что они не разводятся, а женятся

И вот бывшая жена Андрея Сергеевича актриса Наталья Аринбасарова пишет мемуары. Неужели ее так раззадорили воспоминания экс-супруга, тоже захотелось высказаться?

- Кончаловский тут ни при чем, - разубедила меня с ходу Наталья Утевлевна. - Тем более его книгу нельзя воспринимать так односторонне. Она не только о женах и возлюбленных, а гораздо глубже. Тем не менее считаю, что слишком откровенные воспоминания о женщинах, у которых есть семьи, дети, ставят их в неловкое положение.

- Но и вы в мемуарах, как я слышала, с головой погрузились в воспоминания о романе с Кончаловским?

- Это не совсем так. Я рассказываю о своем детстве, учебе в училище Большого театра и, конечно, о семье Михалковых-Кончаловских, которая сыграла в моей жизни большую роль. Кстати, книгу пишу не я, а моя дочь Катя, которой я надиктовываю текст. Если писать о своей жизни всерьез, получится ужасно скучно. Катя пишет от третьего лица, с иронией. И потом ей самой интересно узнать о своих сверстниках другого поколения. Сейчас ведь все иначе: скромность - добродетель посредственности. Современный человек должен быть активным, жизнестойким, предприимчивым. Разные жизненные установки.

- Вы выросли в многонациональной и многодетной семье...

- Мама - полька, отец - казах. У родителей было пятеро детей. Послевоенное тяжелое детство, но очень счастливое. Мама умела налаживать быт и отношения в семье. Папа - военный, все время был на службе. Мы жили в Туркмении. Выжженная земля, воду возили в бочках: по два ведра на семью. Нам давали больше, на всех детей. Жили в бараках, спали на улице. Мама ставила две железные кровати и укладывала всех детей поперек, а сверху надевала от москитов накомарник из тюля. Чтобы скорпионы с фалангами не заползли в постель, она ставила ножки кровати в банки с водой. Холодильника не было. Когда удавалось достать сливочное масло, мама сохраняла его в холодной воде. Этим способом я пользовалась и после в киноэкспедициях. Одежды не было, мы бегали в трусах, которые тоже шила мама. А вообще вся одежда передавалась по наследству от старшего ребенка

к младшему. Первый раз я увидела туалетное мыло, когда мне было восемь лет. Женщины стирали белье углями саксаула.

- Как же из такой глуши вы попали в столицу, да еще в училище Большого театра?

- Когда мы переехали в Казахстан, я поступила в хореографическое училище. Оттуда меня и направили в Москву в академическое хореографическое училище Большого театра, одно из самых лучших в мире.

Нас одевало и кормило государство. Большой театр был как дом родной, куда мы могли бегать на спектакли каждый день. И сами танцевали в кордебалете мышей, снежинок, пажей. А рядом с нами выступали и репетировали великие солисты Большого.

- Вы и с Андроном познакомились, когда учились в балетном училище?

- Он пришел к нам выбирать девочку для съемок в «Первом учителе». Но выбрал не меня, а казашку Раушан Байсейитову, которая училась в младших классах. Его помощники позвонили через несколько дней, чтобы узнать имя девочки. А преподаватели говорят: «Это, наверное, Наташа Аринбасарова». Когда вместо Раушан на «Мосфильм» приехала я, Андрон удивился, но ничего не сказал. И вроде бы согласился со мной работать. Мы несколько раз с ним встретились, а потом он исчез вместе с киногруппой. Оказалось, что они ездили по стране, искали другую девочку. Я им все-таки не очень подходила.

У меня начались выпускные экзамены. И вдруг приходит телеграмма с вызовом на кинопробы. В училище меня все отговаривали. Но мама сказала: «Летим на кинопробы». Правда, кино ее сразу разочаровало. По сценарию мою героиню избивают, от этих сцен маме стало плохо: «Наташа, никакого кино не будет. В балете ты танцуешь в красивых костюмах, а тут на тебя надели обноски!» Правда, когда меня утвердили на роль, мама вместе со мной помчалась отправивать меня у балетмейстера. На съемки мне взяли пе-

дагога из училища. Но после съемок в балет я не вернулась.

- Андрон за вами красиво ухаживал?

- Когда он пробовал меня приобнять, я его одергивала: «Не трогайте меня». Он очень удивлялся: «Ты закончила такое развратное (почему-то он так считал) учебное заведение и осталась дикаркой, недогрой». Но именно это ему и нравилось. На съемках мы постоянно общались, жили в замкнутом пространстве, в горах. Фильм начали снимать в июне, а поженились мы в октябре, через четыре месяца, когда мне исполнилось 18 лет.

- Наверное, было сложно войти в такую знаменитую и непростую семью? Как вас приняла свекровь?

- Мы с Андроном прилетели в Москву на ноябрьские праздники. У меня были длинные волосы, и я накрутила бигуди, чтобы в дороге они завились. Я вошла в бигудях в дом на Николиной горе и сразу же убежала в ванную. Целый час я делала прическу. Когда наконец Наталья Петровна меня увидела, она всплеснула руками: «Это же абсолютный Гоген».

Андрон часто уезжал на съемки. И мы жили вместе с ней на Николиной горе. Она очень любила жизнь. Мне нравилось смотреть, как она готовит, шьет. Она каждый день ходила восемь километров. Однажды после такой прогулки притащила из леса кусок рельса: «Замечательная болванка, на которой можно прибивать подметки», - сказала Наталья Петровна. У нее был свой сапожник, который шил ей обувь на заказ, но ей было интересно самой прибить набойки. Как-то Сергей Владимирович привез ей английский ситцу ее любимой расцветки: на черном фоне маленькие розочки. Но когда он вручил ей отрез, реакция жены была неожиданной: «Что ты мне привез? В этом ситце я буду похожа на обитый диван». Оказывается, он ошибся с размером розочек. Наталья Петровна долго сердилась, возмущалась, а потом неожиданно пришла в хорошем расположении духа: «Из ситца я сошью замечательный наряд для Наташи». Она придумала маленькое платьице, сверху которого должно быть пальто, и поехала в Москву за репсом ма-

линового цвета в тон розочкам. Когда она начала кроить, у меня сердце кровью обливалось. Она скроила платье своего размера, в которое могло поместиться три Наташи. Тогда она начала срезать лишнее узенькими полосками, половины ткани ушло на лоскуты. Я немного умела шить, но не решалась сказать Наталье Петровне: «Давайте я покрою сама». Она была властная женщина и говорила: «Я здесь самая главная. Я - Наташа Большая, а ты - Наташа Маленькая». Правда, из того ситца все равно получился замечательный туалет. Когда я его надевала, все на улице оборачивались. А из кусочков я сшила фартук.

Наталью Петровну побаивались и слушались внуки. Как-то Егор (сын Натальи Аринбасаровой и Андрона Кончаловского) со Степаном (сын Никиты Михалкова и Анастасии Вертинской) баловались так, что мы не могли их успокоить. Пришла Наталья Петровна, и сразу дети утихомирились. «Я им сказала, что если они сейчас же не прекратят хулиганить, я им не расскажу, из чего сделана скрипка», - объяснила она нам. Она со всеми умела найти общий язык и тему для разговора и относилась очень уважительно к людям, каждый рядом с ней чувствовал себя талантливее, чем был на самом деле.

- Кажется, в книге Андрона Кончаловского я прочитала, что, когда он сказал вам, что у него появилась другая женщина, вы воскликнули: «Лучше бы ты сказал, что умерла моя мама».

- Это придуманная им фраза. Он никогда не говорил мне подобных слов, берег меня. Я просто не поняла бы измены. Мне было всего 22 года, когда мы расстались. Мы сидели в загсе, ждали очередь на развод, болтали и смеялись. Со стороны можно было подумать, что мы не разводимся, а женимся. И тогда я его спросила: «Теперь уже все равно, скажи, ты мне изменял?» И он ответил: «Никогда!»

Он хотел уехать за границу. А тогда можно было осуществить этот замысел, только женившись на иностранке...

Анастасия ПЛЕШАКОВА.
Фото Сергея ХАЛЬЗОВА.